

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВОЙНА И ВОЕННОЕ ДЕЛО В СКИФО-САРМАТСКОМ МИРЕ

Материалы Международной научной конференции,
посвященной памяти А.И. Мелюковой
(Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2015

УДК 903.5:903'15 (4/5)

В65

Ответственный редактор

д.и.н. С.И. Лукьяшко

В65 **Война и военное дело в скифо-сарматском мире:** материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / [отв. ред. С.И. Лукьяшко]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – 238 с., 10 с. ил. – ISBN 978-5-4358-0103-3.

Сборник составили материалы Международной научной конференции «Война и военное дело в скифо-сарматском мире», посвященной памяти А.И. Мелюковой и проходившей на базе Южного научного центра РАН в г. Ростове-на-Дону и с. Кагальник 26–29 апреля 2014 г. Темой конференции стали проблемы изучения древней военной истории обитателей Северного Причерноморья, задачи определения функционального назначения и тактико-технических характеристик оружия, а также технических приемов, представляющих разные способы художественного оформления предметов вооружения широкого хронологического диапазона – от раннескифского времени до эпохи Великого переселения народов. Публикуемые работы написаны ведущими специалистами в области скифо-сарматской археологии России, Украины, Молдовы, Приднестровья и Казахстана.

Данное издание адресовано археологам, антропологам, преподавателям и студентам вузов, а также тем, кто интересуется древней историей.

УДК 903.5:903'15 (4/5)

Издание осуществлено при поддержке Программы Президиума РАН, проект 00-14-19 «Кочевники и земледельцы в Северо-Восточном Приазовье и среднем течении р. Кубань (интеграционные и инновационные процессы в материальной культуре II в. до н.э. – III в. н.э.)»

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY RAS
MINISTRY OF CULTURE OF ROSTOV REGION**

THE WAR AND THE MILITARY IN THE SCYTHIAN-SARMATIAN WORLD

**Proceedings of International Scientific Conference
in tribute to the memory of A.I. Melyukova
(Kagal'nik, 26–29 April 2014)**

**Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2015**

Л.И. Бабенко
(г. Харьков)

КОЛЧАННЫЕ НАБОРЫ ПРОТОПОПОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА: СОСТАВ И ХРОНОЛОГИЯ

Среди множества юбилеев, отмечаемых скифологией за последнее время (только в прошлом году состоялось три знаменательных даты: 250-летие исследования Мельгуновского кургана, 150-летие завершения раскопок Чертомлыка и 100-летия – Солохи), не может пройти незамеченным и пятидесятилетие самой востребованной, самой цитируемой в трудах исследователей, занимающихся скифской проблематикой, монографии – «Вооружения скифов» Анны Ивановны Мелюковой. Несмотря на многократное пополнение источниковой базы, свершившееся за прошедшие 50 лет со времени издания этого свода, до сих пор не нашлось исследователя, дерзнувшего повторить научный подвиг А.И. Мелюковой. Можно с уверенностью утверждать, что эта «удивительная книга» (Алексеев, 2006, с. 43) еще на долгие годы сохранит за собой статус «настоющей» (Петренко, Яценко, 2006, с. 11).

Источниковую базу самой массовой категории вооружения скифского времени – наконечников стрел – пополнили и несколько колчаных комплексов, обнаруженных во время раскопок Протопоповского курганного могильника, расположенного в урочище «Могилки», на правом берегу реки Нецветайки (правый приток реки Уды), на южной окраине одноименного села Дергачевского района Харьковской области. Ко времени раскопок могильник насчитывал 15 курганов, бессистемно расположенных друг возле друга на расстоянии 20–40 м (Шрамко и др., 1977, с. 87).

Исследовался могильник на протяжении двух сезонов – в 1973 году экспедицией УООПИК (Украинского общества охраны памятников истории и культуры) под руководством Н.Г. Коленченко (Коленченко, 1973) и в 1976 году экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г. Бородулина (Бородулин, 1976; 1977). В результате было раскопано 8 курганов и два разрушенных погребения без насыпи. Помимо этого, сохранились отрывочные сведения о разрушенном при строительстве трансформаторной подстанции кургане, в погребении которого была выявлена амфора. Таким образом, общее количество погребальных комплексов достигает 11, из которых 3 – безынвентарных, что, вероятнее всего, следует объяснять их ограблением. Остальные погребения также были ограблены, следовательно, ни в одном случае мы не имеем дело с более-менее полным комплектом инвентаря, сопровождавшего погребенных.

Наиболее представительная категория погребального инвентаря – предметы вооружения, обнаруженные в 7 погребениях, причем количественно преобладают именно бронзовые наконечники стрел, выявленные в количестве от 2 до 142 экземпляров в 6 захоронениях. Вероятно, что во многих случаях было большим и количество наконечников стрел в ограбленных погребениях, и само количество погребений со стрелами. Касательно последнего предположения примечателен набор инвентаря воина-всадника из кургана № 3, содержащий и предметы вооружения (наконечники копий, втоки), и полный комплект узды (удила, псалии, ворварки, пронизки, разнообразные бляхи). Отсутствие здесь наконечников стрел следует связывать именно с опустошительным ограблением, следствием которого явилось и полное отсутствие останков человеческого скелета в могиле, основная же масса сохранившегося погребального инвентаря была укрыта в двух нишах-тайниках.

В трех погребениях было выявлено менее 10 наконечников – в двух (№№ 4 и 6) всего лишь по 2, еще в одном – 6 (№ 1/1976), у двух – немногим более 10 (№ 1/1973 – 16, № 2/1976 – 13), и только колчаный набор из кургана № 5 отличается представительностью и насчитывает 142 экземпляра. Столь представительные по количеству наборы не исключительны для северскодонецких памятников. Несколько таких колчанов выявлено в погребениях Песочинского могильника (Бабенко, 2005, с. 60), но наиболее интересен в этом отношении набор стрел из кургана у с. Коротич – с протопоповским у него практически совпадает количество наконечников (140) и большинство представленных типов, как и дата (первая половина V в. до н.э.) (Бабенко, 2009, с. 54).

В кургане № 1/1973 16 наконечников были бессистемно разбросаны слева от левого бедра. Не исключено, что подобное положение является следствием ограбления захоронения, но существуют и иные объяснения данного явления, объясняющие его с размещением стрел в могиле без колчанов и горитов, или же ритуальными факторами (Бессонова, Скорый, 1986, с. 159; Ольховский, 1991, с. 108; Бойко, Берестнев, 2001, с. 18, 22; Бабенко, 2005, с. 6). Еще в двух случаях было зафиксировано иное размещение колчана – в кургане № 2/1976 справа от поясных позвонков одного из покойников, в кургане № 5 – между кистью правой руки и костями таза.

Отдельно следует отметить находку одного наконечника стрелы в маленьком кожаном чехольчике, выявленном в юго-западном углу могилы кургана № 4.

Ниже приводится описание находок.

Курган № 1/1973. Обнаружено 13 целых наконечников и 3 обломка, однако место хранения находок из раскопок 1973 года, помимо хиосской амфоры, неизвестно. Некоторое представление об их облике дает лишь лаконичное описание в текстовой части отчета и фотографии в альбоме иллюстраций, в большинстве невысокого качества. Используя фотоснимки отчета, с большей или меньшей вероятностью можно определить с типологической принадлежностью 10 наконечников, представленных следующими разновидностями:

1) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, длинной выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 1, 2). 2 экз.;

2) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ длины головки (рис. 1, 3). 1 экз.;

3) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, короткой, едва заметной втулкой и П-образным ложком на $\frac{3}{4}$ длины головки (рис. 1, 4). 1 экз.;

4) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, короткой, едва заметной втулкой и сводчатым ложком на $\frac{1}{3}$ длины головки (рис. 1, 5). 1 экз.;

5) трехлопастный наконечник с пирамидальной головкой, длинной выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 6). 1 экз.;

6) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, длинной выделенной втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 7, 8). 2 экз.;

7) трехлопастный наконечник с треугольной головкой, внутренней втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 9). 1 экз.;

8) трехлопастный наконечник со сводчатой головкой, длинной выделенной втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 10). 1 экз.

Курган № 1/1976. Обнаружено 6 наконечников стрел, представленных следующими разновидностями:

1) трехлопастные наконечники с внутренней втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 11, 12). Длина 2,2 см. 2 экз.;

2) трехлопастные наконечники с внутренней втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 13–15). Длина 2,4–2,7 см. 3 экз.;

3) трехлопастный наконечник с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 16). Длина 3 см. 1 экз.

Курган № 2/1976. В состав инвентаря погребального комплекса входило 13 наконечников стрел следующих разновидностей:

1) трехлопастные наконечники с внутренней втулкой и Л-образным ложком до вершины головки (рис. 1, 24–28). Длина 1,7–2,6 см. 5 экз.;

2) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 29). Длина 1,8 см. 1 экз.;

3) трехлопастный наконечник с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{1}{4}$ длины головки. Концы лопастей образуют острые шипы, один из которых опущен ниже уровня втулки (рис. 1, 17). Длина 2,9 см. 1 экз.;

4) наконечник такой же формы, но с ложком до середины головки, внутри которого расположен рельефный тамгообразный знак в виде косоугольного креста (рис. 1, 18). Длина 3 см. 1 экз.;

5) наконечник такой же формы, но с более длинной втулкой и ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки. Конец острия отломан, сохранившаяся длина наконечника – 2,4 см (рис. 1, 19). 1 экз.;

6) наконечник такой же формы, но со сточенными на длину ложка ребрами лопастей (рис. 1, 20). Длина 2,7 см. 1 экз.;

7) трехгранный наконечник с короткой выделенной втулкой и гладкими гранями. Концы лопастей образуют короткие острые шипы (рис. 1, 21). Длина 3 см. 1 экз.;

8) трехгранный наконечник с внутренней втулкой, скошенными к середине гранями возле среза втулки и коротким П-образным ложком (рис. 1, 22). Длина 2,6 см. 1 экз.;

9) трехгранный наконечник с внутренней втулкой, скошенными к середине гранями возле среза втулки и парой едва заметных углублений в нижней части граней (рис. 1, 23). Длина 2,6 см. 1 экз.

Курган № 4. В погребении обнаружено 2 наконечника стрелы:

а) трехгранный наконечник с внутренней втулкой и гладкими гранями (рис. 1, 30). Длина 2,5 см.

б) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и парой параллельных углублений на $\frac{2}{3}$ длины головки на гранях (рис. 1, 31). Длина 1,7 см.

Курган № 5. Колчаный набор насчитывал 142 наконечника стрелы, из которых типологическому определению подлежат 133. Трехлопастные наконечники с выделенной втулкой представлены следующими разновидностями:

1) наконечники со сводчатой, пирамидальной или треугольной головкой и П-образным ложком до середины или $\frac{3}{4}$ длины головки. Длина 1,7–3,2 см. 83 экз. (рис. 2, 1–8);

2) наконечники такой же формы, но с косо обрезанными концами лопастей, образующими короткие острые шипы. Длина 2,4–3,7 см. 3 экз. (рис. 2, 9–11);

3) наконечники такой же формы, но с более длинными шипами, достигающими среза втулки. В ложке одного из наконечников – рельефный тамгообразный знак в виде косых линий. Длина 3,3 см. 2 экз. (рис. 2, 12, 13);

4) наконечники со сводчатой или треугольной головкой, короткой втулкой и Λ-образным ложком до вершины головки такой же формы. Косо обрезанные концы лопастей образуют короткие острые шипы. Длина 3–3,2 см. 3 экз. (рис. 2, 14–16);

5) наконечники такой же формы, но с более длинной втулкой. Внутри ложка одного из наконечников – рельефный тамгообразный знак в виде развернутых на 90° двух литер Λ. Длина 2,4–2,9 см. 11 экз. (рис. 2, 17–24);

6) наконечники такой же формы, но более короткие. Длина 1,9–2 см. 3 экз. (рис. 2, 25, 26).

Разновидности трехлопастных наконечников с внутренней втулкой следующие:

1) наконечники со сводчатой или треугольной головкой, Λ-образным ложком до вершины головки и ровным основанием – так называемые «базисные». Длина 1,7–2,5 см. 9 экз. (рис. 2, 27–33);

2) наконечники такой же формы, но более стройных пропорций и П-образным ложком до середины или $\frac{3}{4}$ длины головки. Основание ровное либо дуговидное. Длина 2,3–2,5 см. 5 экз. (рис. 2, 34–37).

Трехгранные наконечники стрел с выделенной втулкой представлены 7 экземплярами. На гранях наконечников – пара параллельных углублений на $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{3}$ длины головки. Длина 1,7–2,3 см (рис. 2, 38–43).

Трехгранные наконечники стрел с внутренней втулкой также представлены 7 экземплярами. На гранях – аналогичные углубления на $\frac{1}{4}$ – $\frac{2}{3}$ глубины. Длина 1,7–2,5 см (рис. 2, 44–50).

Курган № 6. Найдено 2 наконечника стрелы:

а) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ длины головки (рис. 1, 32). Длина 1,9 см;

б) трехлопастный наконечник с внутренней втулкой и парой параллельных углублений на $\frac{1}{2}$ длины головки на гранях (рис. 1, 33). Длина 1,7 см.

Хронология комплексов

Бронзовые наконечники стрел скифского времени относятся к одной из категорий находок, считающейся довольно чутким хроноиндикатором, позволяющим с большей или меньшей уверенностью установить дату комплекса. В то же время характер использования этого вида вооружения (частая «утеря» своих наконечников, при одновременном «приобретении» чужих), множественность типов и простота вторичного их употребления создавали благоприятные условия для формирования очень разнообразных, как типологически, так и хронологически, наборов наконечников стрел, зачастую с трудом вписывающихся в логически непротиворечивую хронологическую колонку. Поэтому более обоснованную дату можно получить, привлекая иные категории находок, прежде всего древнегреческий импорт, предметы конского снаряжения и т.п. Несколько погребений Протопоповского могильника предоставляют возможность такого комплексного датирования.

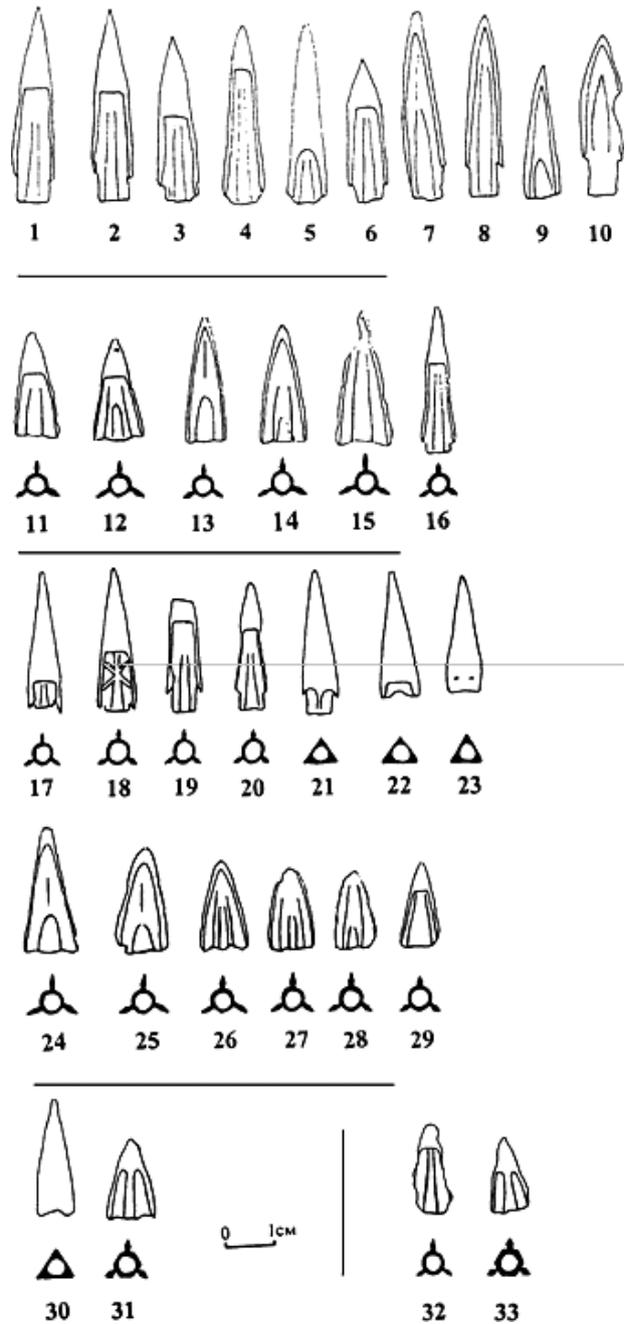

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел Протопоповского могильника: 1–10 – курган № 1/1973; 11–16 – курган № 1/1976; 17–29 – курган № 2/1976; 30, 31 – курган № 4; 32, 33 – курган № 6

В свое время ряд комплексов Протопоповского могильника, содержавших те или иные предметы конского снаряжения, получили хронологическую позицию в монографии А.Д. Могилова (Могилев, 2008). Однако некоторые датировки, предложенные исследователем, нельзя принять безоговорочно, что каждый раз будет оговорено специально.

Курган № 1/1973

Комплекс А.Д. Могилевым отнесен к «первой среднескифской группе» (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.) именно «за набором

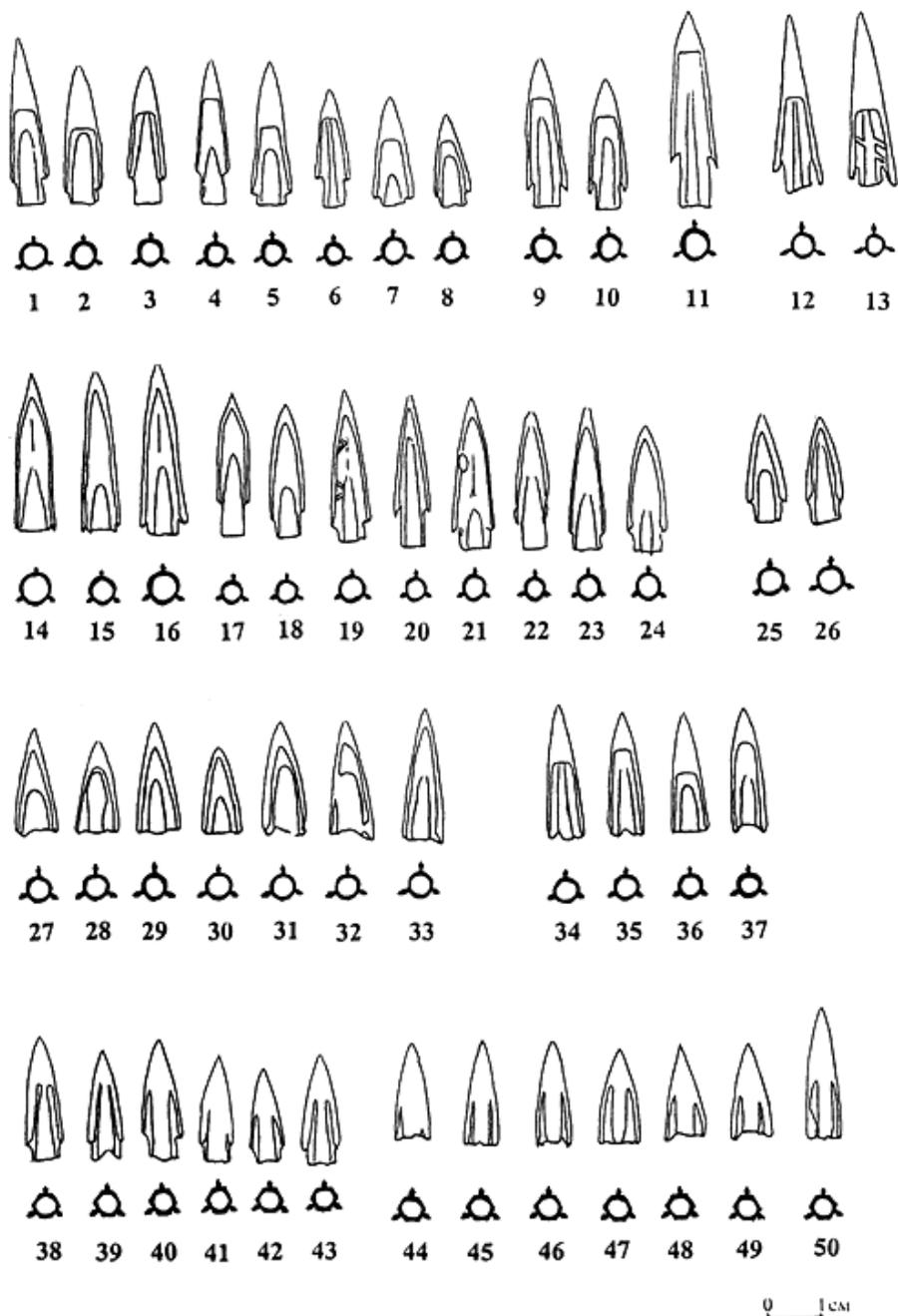

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел Протопоповского могильника: 1–50 – курган № 5

стрел, в котором были в наличии базисные типы» (Могилев, 2008, с. 119). Однако на самом деле среди представленных в наборе наконечников доминируют экземпляры с выделенной втулкой – как с П-образным ложком, так и с ложком до вершины головки. Наконечник «базисного типа» всего лишь один, и тот удлинённых пропорций, лучше известных в более поздних наборах. По неизвестным причинам А.Д. Могилев не привлек для датировки комплекса хиосскую пухлогорлую амфору позднего варианта раннего типа по терминологии И.Б. Брашинского (Брашинский, 1980, с. 15, 16), «развитого» варианта IV-B пухлогорлого типа за классификацией В.В. Рубана (Рубан, 1982, с. 106, 107) или развитого варианта пухлогорлых

хиосских амфор (тип III-B) по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003, с. 17, 18), позволяющую ограничить дату погребения 80–70 гг. V в. до н.э., а с учетом возможного запаздывания – второй четвертью V в. до н.э. В предложенной А.Д. Могилевым периодизации эту хронологическую позицию можно отнести как к первой (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.), так и ко второй (вторая – последняя четверть V в. до н.э.) средне-скифской группе. В похожем случае комплекс кургана 20 (2000 г.) Перещепинского могильника, продатированного также по хиосской амфоре второй четвертью V в. до н.э., исследователь отнес ко второй средне-скифской группе (Могилев, 2008, с. 121).

Курган № 5. Хронологическую позицию кургана № 5 определяют, прежде всего, бляхи в виде свернувшегося в кольцо хищника (Бабенко, 2008, рис. 2, 1, 2) и представительный набор наконечников стрел.

Развитие иконографии образа свернувшегося в кольцо хищника было длительным по времени (Полідович, 1994; Богданов, 2006). Украшенные подобным сюжетом изделия были распространены в границах практически всего «скифо-сибирского мира» и отличаются иконографическим разнообразием. Принимая это во внимание, иконографическая близость блях этого типа может рассматриваться как свидетельство относительной единовременности их изготовления и определенной хронологической синхронности комплексов. Ближайшими к протопоповским являются бляхи из курганов №№ 491 у с. Макеевка (Галанина, 1977, табл. 13, 2), 499 возле Басовки (Галанина, 1977, табл. 26, 20–23), 398 у Журовки (Могилов, 2008, рис. 102, 17), 8 (ВУАК) группы Частых (Замятнин, 1946, рис. 14, 5), 2 возле с. Новые Раскайцы (Рэскэций Ной) (Левицкий, Демченко, 1995, рис. 3, 13).

Наилучшую возможность для определения даты имеет комплекс кургана № 491 у с. Макеевка, в состав которого входили самосский лекиф рубежа VI–V вв. до н.э. и чернофигурный килик с чернолаковой вазочкой начала V в. до н.э. (Онайко, 1966, с. 25, 27; Галанина, 1977, с. 29; Колтухов, 1998, с. 21). Однако возможность длительного употребления местным населением столовой посуды в быту позволяет указанный хронологический репер использовать лишь в качестве *terminus post quem*, тогда как фактическая дата погребения могла быть значительно моложе. В этом случае наиболее корректными представляются предложенные многими исследователями хронологические рамки в пределах первой половины V в. до н.э. с определенным тяготением ко второй четверти.

Даты курганов №№ 499 у с. Басовка и 398 у с. Журовка определяют наборы конского снаряжения. При этом журовский комплекс датируется разными исследователями первой половиной V в. до н.э. (Петренко, 1967, с. 92), V в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989, с. 162), второй-последней четвертью V в. до н.э. (Могилов, 2008, с. 122), басовский – первой половиной V в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 78; Галанина, 1977, с. 46), последней четвертью VI – первой половиной V в. до н.э. (Могилов, 2008, с. 118).

Не так давно среди исследователей возникла небольшая дискуссия по поводу датировки кургана № 2 у с. Новые Раскайцы. Поводом для нее послужила беспрецедентно низкая дата (вторая половина VII в. до н.э.), предложенная авторами публикации комплекса на основе керамики, украшенной геометрическим орнаментом и по этой причине архаизирующей весь комплекс (Левицкий, Демченко, 1995, с. 47, 48). Однако столь ранняя дата, как и попытка удревнить известные комплексы, содержавшие аналогичные украшения конской узды, не нашли

поддержки у исследователей, отдавших предпочтение традиционным датам – не ранее середины или конца VI в. до н.э. или же рубежа VI–V вв. до н.э. (Колтухов, 1998, с. 21; Алексеев, 2003, с. 205; Бруяко, 2005, с. 45, 153).

Совсем недавно похожая диахронность была подмечена и для комплекса кургана № 8 (ВУАК) группы Частых, являющегося одним из самых древних среди среднедонских памятников и традиционно датируемого началом V в. до н.э. (Замятнин, 1946, с. 49) или рубежом VI–V вв. до н.э. (Либеров, 1965, с. 28; Медведев, 1999, с. 97). Однако, по мнению Д.С. Гречко, если следовать буквально аналогиям из кургана у с. Огородное и Алфельде, погребение необходимо удревнить до конца VII – первой половины VI вв. до н.э. В то же время колчанная застежка, бронзовые ножи и стрелы из среднедонского погребения близки находкам из кургана 1G Аджигольского могильника, что омолаживает погребение кургана № 8 до второй четверти V в. до н.э. и представляется исследователю более приемлемым (Гречко, Шелехань, 2012, с. 110).

Интересно расположились на хронологической шкале погребения с подобными бляхами в монографии А.Д. Могилова. Курганы №№ 491 у с. Макеевка, 499 возле с. Басовка и 8 (ВУАК) группы Частых исследователь отнес к «первой среднескифской группе» (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.), а №№ 398 у Журовки и 5 Протопоповского могильника – ко второй (вторая-последняя четверть V в. до н.э.) среднескифской группе, тем самым породив тенденцию на омоложения комплексов с бляхами с изображением свернувшегося хищника на полстолетия от наиболее поздних датировок других исследователей (Могилов, 2008, с. 117–119, 122, 124). При этом время распространения подобных блях определяется в рамках от последней четверти VI в. до н.э. до самого конца V в. до н.э. (Могилов, 2008, с. 418, рис. 193), что представляется чрезмерным. Однако состав обоих «омоложенных» комплексов – журовского и протопоповского – не дает оснований для их столь резкого перемещения во вторую половину V в. до н.э. и, тем более, последнюю его четверть. Более уместная для них дата – вторая четверть V в. до н.э., но в этом случае не понятно, зачем оба комплекса отрывать от погребений первой среднескифской группы.

Можно сожалеть по поводу отсутствия в Протопоповском погребении древнегреческой амфорной тары (но найденной в других захоронениях могильника), что способствовало бы большей устойчивости плавающей по обе стороны даты, однако и состав колчанного набора может в какой-то степени поспособствовать этой цели. Сразу можно отметить отсутствие в представительном наборе (142 экземпляра) двухлопастных наконечников с шипом на втулке, нередко встречающихся в комплексах первой половины V в. до н.э. и отчасти архаизирующих их. Преобладают в наборе опорновтульчатые наконечники (83 экземпляра), заметное

место занимают базисные, те и другие «нестройных» пропорций, более характерных именно для первой половины V в. до н.э. Наконечники «вытянутых» пропорций (рис. 2, 12, 13, 34–37), преобладающие в колчаных наборах с середины V в. до н.э., присутствуют всего в нескольких экземплярах. Даже в сравнении с набором кургана № 1/1976, надежно датированного хиосской амфорой второй четвертью V в. до н.э., он выглядит несколько более ранним. В то же время присутствие отмеченных выше нескольких «стройных» наконечников не позволяет датировать комплекс временем ранее все той же второй четвертью V в. до н.э. По своему составу набор представляется близким наконечникам из погребения 2/2000 г. Перещепинского могильника, датированного первой половиной V в. до н.э. и относимого С.В. Махортых к выделенной им группе Па захоронений этого памятника (Кулатова, Супруненко, 2010, с. 41, рис. 34; Махортых, 2011, рис. 3, 1–37; 2012, с. 146). Таким образом, наиболее приемлемой датой для кургана № 5 Протопоповского могильника представляется вторая четверть V в. до н.э.

Курган № 2/1976. Наиболее интересен по составу представленных типов колчаный набор из кургана № 2. Сразу нужно отметить курьез, вкравшийся в монографию А.Д. Могилова. Состав данного набора, а именно базисные наконечники стрел, послужил исследователю основанием для отнесения погребения кургана № 3 к «первой среднескифской группе» (последняя четверть VI – 1-я половина V в. до н.э.) (Могилов, 2008, с. 119, 120). Однако, во-первых, среди инвентаря кургана № 3 наконечники стрел вообще отсутствовали и набор наконечников кургана № 2 был ошибочно причислен к этому комплексу, вероятно потому, что в альбоме иллюстраций к отчету фотография с наконечниками стрел из кургана № 2 была наклеена на одной странице с инвентарем из кургана № 3 (Бородулин, 1976, табл. VIII). Во-вторых, едва ли можно считать бесспорным отнесение данного набора к последней четверти VI – 1-й половине V в. до н.э. Типы представленных здесь наконечников демонстрируют определенную асинхронность. Практически половину набора (6 экземпляров) составляют так называемые «базисные» наконечники (рис. 1, 24–29), хорошо представленные и в остальных наборах могильника (рис. 1, 11–15, 31, 33; 2, 27–33). Со второй половины V в. до н.э. подобные наконечники практически выходят из употребления. Вместе с ними в комплекте находились несколько наконечников, получивших широкое распространение в наборах IV в. до н.э., особенно второй его половины. Прежде всего, это трехгранные наконечники с внутренней втулкой, скошенными к середине гранями возле среза втулки – один с коротким П-образным ложком, другой – с парой едва заметных углублений в нижней части граней (рис. 1, 22, 23), а также трехлопастный наконечник с короткой выделенной втулкой и П-образным ложком на $\frac{1}{4}$ длину головки (рис. 1, 17). Однако едва ли это служит бесспорным

основанием для перенесения столь поздней даты на весь комплекс. Известны, конечно, случаи присутствия ранних наконечников в комплексах более позднего времени (например, Краснокутский курган (Мелюкова, 1981, с. 63–65, рис. 18, 1 и, к, л, м), более того, сочетание в одном колчане разновременных наконечников, на что уже обращалось внимание (Алексеев, 2003, с. 206). Один из наиболее ярких подобных примеров демонстрирует колчаный набор из кургана № 24 группы «Солоха», содержащий наконечники стрел, характерные для наборов от второй половины VI до второй половины IV вв. до н.э. (Кузнецова, 2007, с. 97–100, рис. 2, 1). Самым простым объяснением будет попадание ранних наконечников в поздний набор в силу различных причин (например: ограбление могил раннего времени с последующим использованием обнаруженных наконечников, случайный сбор наконечников на поверхности и т.п.) и, соответственно, датировку по наиболее поздним типам. Однако общая хронология Протопоповского могильника и преобладание в наборе базисных наконечников побуждают склониться к мнению, что формирование колчанного набора из кургана № 2 происходило на рубеже бытования наконечников обеих групп. Несомненно, это наиболее поздний погребальный комплекс могильника, хронологические рамки которого следует определить в пределах второй половины V – начала IV в. до н.э.

Курган № 1/1976. Набор из кургана № 1/1976 представляют 6 наконечников – 5 трехлопастных с внутренней втулкой и П- или Л-образным ложком, т.н. «базисных», и трехлопастный наконечник с выделенной втулкой и П-образным ложком. Базисные наконечники этого набора отличаются от более ранних наконечников этого типа стройными, вытянутыми пропорциями. Подобные наконечники входили в состав набора из кургана № 5 этого могильника (рис. 2, 27–37), а также колчанного набора Коротичанского кургана, хронологические рамки которого определяются в пределах второй четверти V в. до н.э. (Бабенко, 2009, с. 59). Наконечники с выделенной втулкой и П-образным ложком хорошо представлены в колчаных наборах курганов № 1/1973 (рис. 1, 1–3) и № 5 (рис. 2, 1–5, 9–13) протопоповского могильника, а также Коротичанского кургана. Это позволяет предположить их определенную синхронность и предложить в качестве вероятной даты комплекса вторую четверть V в. до н.э.

Курганы №№ 4 и 6. Еще два погребения (№№ 4 и 6) содержали малопредставительные наборы стрел – всего по два наконечника. В состав каждого из этих наборов входили по одному практически идентичному «базисному» наконечнику с внутренней втулкой и парой параллельных углублений на гранях (рис. 1, 31, 33). Подобные наконечники хорошо известны в наборе кургана № 5 Протопоповского могильника (рис. 2, 44–50) и Коротичанского кургана. Наиболее приемлемая дата для обоих комплексов – первая половина V в. до н.э.

Таким образом, погребения Протопоповского курганного могильника не выходят за пределы V в. до н.э., причем подавляющая часть захоронений не может быть датирована временем позже первой половины этого века. Подобные памятники (наряду с Протопоповским это Коротичанский курганный могильник) являются инновационными для северскодонецкого региона и знаменуют появление среди местного населения групп хорошо вооруженных воинов-всадников, социальные функции которых могут трактоваться по-разному. Несомненно, что появление схожих могильников имело непосредственную связь с глобальными событиями, происходившими в Северном Причерноморье на рубеже VI–V в. до н.э. и нашедшими отражения в близких хронологически и по культурному контексту памятниках, из которых наиболее показательными являются ряд среднедонских могильников, нимфейские захоронения, Перещепинский могильник.

Вместе с тем Протопоповский и Коротичанский могильники в сравнении с Перещепинским демонстрируют несколько иную динамику развития. Если Перещепинский некрополь непрерывно функционирует более столетия – с первой половины V в. до н.э. по первую половину IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 159), то северскодонецкие могильники, возникнув синхронно с Перещепинским, прекращают свое существование в том же V в. до н.э.

Прекращение функционирования в северскодонецком регионе могильников «перещепинского типа» совпадает с появлением здесь территориально обособленных, но имеющих с ними несомненную преемственность некрополей знати IV в. до н.э. (Песочинский и Старомерчанский). Подобная дискретность в развитии погребальной обрядности аристократической верхушки северскодонецкого населения, выделяющая его на фоне соседних регионов, наглядно демонстрирует иную его историческую судьбу.

Литература

- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV в. до н.э. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Алексеев, 2006: Алексеев А.Ю. Акинак или махайра? (Мечи из раскопок Н.И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г.) // Древности скифской эпохи / Отв. ред.: В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 43–65.
- Бабенко, 2005: Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер, 2005. 284 с.
- Бабенко, 2008: Бабенко Л.И. Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н.е.) // Проблеми археології Восточної Європи / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: Курсор, 2008. С. 28–38.
- Бабенко, 2009: Бабенко Л.И. Курган зі скіфським похованням V ст. до н.е. поблизу смт. Коротич на Харківщині // Археологія. 2009. № 1. С. 52–61.
- Бессонова, Скорый, 1986: Бессонова С.С., Скорый С.А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4. С. 158–170.
- Богданов, 2006: Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Бойко, Берестнев, 2001: Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купеваха (Ворсклинский вариант скифского времени). Харьков: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001. 144 с.
- Бородулин, 1976: Бородулин В.Г. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 1976 г. // Архив ИА НАНУ. 1976/52. 23 с.
- Бородулин, 1977: Бородулин В.Г. Исследования на территории Харьковской области // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 271, 272.
- Брашинский, 1980: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–IV вв. до н.э. Ленинград: Наука, 1980. 267 с.
- Бруяко, 2005: Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.
- Галанина, 1977: Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып. Д 1–33. 68 с.
- Гречко, Шелехань, 2012: Гречко Д.С., Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 198 с.
- Замятнин, 1946: Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.
- Ильинская, 1968: Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 203 с.
- Ковпаненко и др., 1989: Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
- Коленченко, 1973: Коленченко Н.Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской области в 1973 году // Архив ИА НАНУ. 1973/64. 22 с.
- Колтухов, 1988: Колтухов С.Г. Курган Кулаковского // Херсонесский сборник / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО», 1988. С. 17–24.
- Кузнецова, 2007: Кузнецова Т.М. Хронология кургана № 24 группы «Солоха» // Ранній залізний вік: до 100-річчя від дня народження О.Ш. Тереножкіна / Відп. ред. С.А. Скорий. Киев; Чигирин, 2007. С. 97–100.

- Кулатова, Супруненко, 2010: Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ, 2010. 200 с.
- Левицкий, Демченко, 1995: Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма / Редкол.: Г.Н. Тошев, Г.И. Шаповалов, С.И. Андрух. Запорожье: Коммунар, 1995. Т. V. С. 41–53.
- Либеров, 1965: Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д 1–31. 112 с.
- Махортых, 2011: Махортых С.В. Колчаные наборы Перещепинского курганного могильника // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. Вып. 14. С. 186–195.
- Махортых, 2012: Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска / Отв. ред. И.В. Бруяко // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2012. № 3. «Эллинизм и иранство». С. 145–160.
- Медведев, 1999: Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Мелюкова, 1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1–4. 91 с.
- Мелюкова, 1981: Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 111 с.
- Могилев, 2008: Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. 439 с.
- Монахов, 2003: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Изд-во «Киммериды»; изд-во Саратов. ун-та, 2003. 352 с.
- Ольховский, 1991: Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1991. 253 с.
- Онайко, 1966: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. 1966. Вып. Д 1–27. 149 с.
- Петренко, 1967: Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д 1–4. 179 с.
- Петренко, Яценко, 2006: Петренко В.Г., Яценко И.В. Анна Ивановна Мелюкова // Древности скифской эпохи / Отв. ред.: В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 10–18.
- Полидович, 1994: Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в искусстве скифского мира // РА. 1994. № 4. С. 63–78.
- Рубан, 1982: Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 96–113.
- Шрамко и др., 1977: Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев: Наукова думка, 1977. 156 с.